

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ИЗУЧЕНИЕ, СОХРАНЕНИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Л. П. Репина

ПАМЯТЬ И НАСЛЕДИЕ В «КРЕСТОВОМ ПОХОДЕ» ПРОТИВ ИСТОРИИ, ИЛИ РОЖДЕНИЕ «МЕМОРИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ»

doi: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-6-16

УДК 930.2

ББК 63.0

Рубеж XX–XXI вв. был отмечен появлением в современной историографии «мемориальной парадигмы», исследующей образы прошлого как интерпретационные модели, позволяющие индивидам и социальным группам ориентироваться в жизненных ситуациях настоящего. В результате в фокусе внимания представителей профессионального сообщества оказались вопросы, связанные с соотношением истории, памяти и идентичности, с использованием культурного наследия, с инструментами исторической политики и трансформацией исторического сознания и исторической культуры постиндустриального общества. В российском социально-гуманитарном пространстве интердисциплинарные мемориально-исторические исследования, ориентированные на описание и анализ социально и культурно дифференцированных символических образов прошлого, механизмов формирования индивидуальных и коллективных идентичностей или эффективных инструментов исторической политики, приобрели в последнее десятилетие большую популярность. В статье представлены и проанализированы различные позиции ведущих теоретиков по поводу ситуации, сложившейся в результате «мемориального бума» в пространстве современного гуманитарного знания. Констатируя преимущества и достижения “memory studies”, автор отмечает ряд упущенных возможностей, в частности необходимость расширенной социально-исторической контекстуализации конкретных исследований и более четкого определения собственных познавательных установок в отношениях с публичной историей и коммеморативными практиками. Рассматриваются концептуальные проблемы “memory studies”, возникшие в связи с включением в их предметные поля практики межкультурных коммуникаций в их историческом измерении. В статье показано, что значимый эвристический потенциал «парадигмы памяти» может быть реализован с использованием теоретических моделей перекрестной и связанной истории.

Ключевые слова: *мемориальный поворот, коллективная память, культурная память, образы прошлого, культурное наследие, идентичности, историческая культура, историческое сознание, кросс-культурный диалог, перекрестная история*

Кардинальные перемены, произошедшие в мире за последние десятилетия, преобразовали все современное социокультурное пространство. Процессы изменения старых и формирования новых практик проходят «с непостижимым ускорением»,¹ затрагивая все сферы общественной жизни. Между тем именно через складывающиеся в общественном сознании стереотипы восприятия, уровни понимания и доверия, критерии полезности, идеальные образы и горизонты ожиданий оказывается детерминирующее воздействие социокультурного контекста на современное

историческое знание и — в режиме обратной связи — на изменения в исторической культуре общества. По сути, уже с конца XX столетия идет речь о нарастающем процессе формирования новой исторической культуры.² Важная роль в этом процессе отводится так называемой публичной истории, которая должна быть способна оперативно отвечать на социальные запросы, активно общаясь с широкой аудиторией на понятном ей языке и используя современные средства коммуникации. В пространстве этого диалога весомое влияние на формирование массовых исторических представлений призваны осуществлять публичные институты памяти и фонды культурного наследия.

¹ Подробнее об этом см.: Репина Л. П. Эффекты «непостижимого ускорения», или феномен презентизма в истории исторического сознания // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 48–58.

² См., в частности: Тишков В. А. Историческая культура и идентичность // Урал. ист. вестн. 2011. № 2 (31). С. 4–16; Репина Л. П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, кн. 3. С. 55–67.

Сегодня в научных проектах и некоторых образовательных программах занимает значимое место изучение целостного феномена исторической культуры. В наиболее продвинутых из них историческая культура не только выступает как артикуляция исторического сознания и исторической памяти, но и включает в себя все случаи присутствия прошлого в повседневной жизни социума, механизмы воспроизводства и способы репрезентации представлений о прошлом в разные эпохи, при этом в аналитических целях в ней выделяются когнитивный, политический и эстетический аспекты.³ И все же, несмотря на адаптацию новых подходов, первоначальные алармистские публикации в духе «кризиса истории», «культы наследия» и «всемирного торжества памяти» продолжают находить отклик в профессиональном сообществе и у более широкой аудитории. Особая популярность и многочисленные переводы и переиздания знаменитой книги Д. Лоуэнтала «Прошлое — чужая страна» и широко известных проектов П. Нора служат тому весомым (во всех смыслах) подтверждением. Именно противопоставление подходов к прошлому истории и памяти/наследия является центральным аргументом Лоуэнтала (по его собственному признанию в предисловии к русскому изданию этой книги):⁴ «История исследует и объясняет прошлое, которое все более покрывается дымкой по прошествии времени. Наследие упрощает и проясняет прошлое, привнося в него современные цели и намерения. <...> Увиденное глазами истории, прошлое — чужая страна, если мы смотрим на него как на наследие, оно вполне знакомо и привычно».⁵

Лоуэнталь специально останавливается на парадоксе, присутствующем в понятии сохранения (речь идет о «культуре сохранения» — *preservation culture*), которое показывает, что это иллюзия. Операции, производимые с наследием, весьма разнообразны. Реликвии или артефакты прошлого идентифицируют, маркируют, экспонируют, консервируют, реставрируют, перемещают, адаптируют, репродуцируют, реплицируют, «оживляют» инсценировками, коммерциализируют и т. д. — и тем самым из-

меняют: «...все это накладывается на восприятие того, что мы считаем прошлым, и трансформирует воздействие его сохранившихся реликтов».⁶ «Чем больше мы сохраняем, тем больше понимаем, что подобные реликвии постоянно изменяются и заново интерпретируются. <...> И если сохранение формально ориентировано на фиксированное и обособленное прошлое, оно не в состоянии помочь нам открыть такое прошлое, которое всегда меняется в соответствии с нашими нынешними ожиданиями. <...> Охрана исторических памятников помогла нам увидеть, сколь значительно меняется прошлое, чтобы соответствовать настоящему. <...> Лишь изменяя и добавляя нечто к тому, что уберегли, мы можем сделать наше историческое наследие реальным, живым и доступным пониманию».

Действительно, изменение статуса исторического знания в связи с кардинальными переменами в отношении к прошлому привело к бурному развитию коммемораций, «раздвиганию функций памяти, гипертрофии учреждений и орудий памяти» (музеев, архивов, библиотек, коллекций, компьютерных каталогов, банков данных и пр.) и «привязанности к “наследию”» («к тому, что в англоязычном мире называется “heritage”, а во Франции — “patrimoine”»). Озабоченность профессионалов в связи с наступательным зарядом массовой «культуры прошлого» страстно выразил П. Нора, в том числе в своих публицистических выступлениях: «Слово “память” получило такой общий и экстенсивный смысл, что имеет тенденцию вообще попросту вытеснить слово “история” и поставить занятия историей на службу памяти». Особые опасения были высказаны в связи с «претензией на истину, более “истинную”, чем истина истории, которая, как научная дисциплина, строилась хотя и исходя из памяти, но против памяти». Из важных последствий «расцвета памяти» было выделено «все более интенсивное использование прошлого в политических, туристических, коммерческих целях», что «неизбежно узаконивает множественность возможных версий прошлого», а второй эффект состоит в том, что у историка отбирается его монополия на интерпретацию прошлого.⁷ В концепции Нора

³ См.: Rösen J. Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken // Historische Faszination. Geschichtskultur heute. Köln, 1994. S. 5–7.

⁴ Как и той, что ввела в оборот метафору «крестовый поход за наследием»: Lowenthal D. The Heritage Crusade and the Spoils of History. Cambridge, 1998. В первом издании книги, выпущенном в США в 1996 г., ее название начиналось фразой “Possessed by the Past...” («Одержимые прошлым»).

⁵ Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. СПб., 2004 [1985]. С. 7.

⁶ Там же. С. 491.

⁷ Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 15.01.2021).

«места памяти» выступают как принципиально новый тип историописания, как «история второй степени», предметом изучения которой является своеобразная «символическая реальность», что противопоставляется научным подходам, стремящимся понять «предельно живую реальность».⁸

Сходным образом противопоставление так называемой публичной памяти и версий прошлого, создаваемых профессиональной, *научной историографией*, повторяется многими авторами, которые справедливо указывают на критическую функцию исторического исследования и рационально-доказательные модели презентации получаемого в его результате *исторического знания*. Нам также неоднократно приходилось писать об этом.⁹ Тем не менее представляется важным посмотреть шире и, выйдя из замкнутого круга претензий и опасений, обратить внимание на позитивные последствия и возможный когнитивный потенциал «расцвета памяти» для исторической науки.

Стартовой площадкой наших дальнейших рассуждений будет интерпретация парадигмы «истории памяти», развернутая выдающимся немецким историком Отто Герхардом Эксле (1939–2016) в статье под соответствующим названием «“История памяти” — новая парадигма исторической науки».¹⁰ О. Г. Эксле писал о том, что «тема истории памяти присутствовала уже в XIX в. у И. Г. Дройзена в созданной им теории исторического познания. Но только в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда стали вырисовываться контуры “исторической науки о культуре”, “история памяти” выступила эксплицитно и программно, прежде всего в теории культурной памяти Я. Ассмана».¹¹ Эксле кратко остановился на некоторых конкретных областях этой новой парадигмы «истории памяти», выделив среди них пять. Приведем эти тезисы.

1. Центральным момент «истории памяти» — постоянно усиливающаяся рефлексия

историков по поводу их собственной исторической позиции, их самих, того, что они делают и что вообще делают историки.

2. К рефлексии историков присоединяется рефлексия деятелей искусства и литераторов. Здесь речь идет об «истории памяти» в литературе, изобразительном искусстве, кино, архитектуре и т. д.

3. Широкое и благодатное поле для «истории памяти» представляет собой изучение «политики по отношению к прошлому».

4. Особенно захватывающие перспективы «истории памяти» открываются «там, где мы нападаем на след исторической памяти действующих лиц истории», хотя здесь могут подстергать сложности в том, что касается наличия у действующих лиц совершенно разной памяти об одном и том же событии.¹²

Источники и каналы формирования исторической памяти, разумеется, не ограничиваются общим культурным запасом, а включают мощный пласт личностных восприятий и переживаний, которые составляют основу «живой памяти» индивида. Множественность идентичностей, наличие альтернативных воспоминаний, конкурентных версий исторической памяти привлекли самое пристальное внимание исследователей.

5. И, наконец, известное поле «истории памяти» представляют собой «места памяти» (*lieux de mémoire* — в версии П. Нора). «Поразительна пластичность самого понятия, — подчеркнул Эксле. — Но это не удивительно, потому что понятие “места памяти” напоминает нам о фундаментальном свойстве истории памяти — мы читаем время в пространстве».

Перечислив приобретения, автор не обошел вниманием «потери», которые понесла академическая историография в результате «мемориального поворота», задав ключевой вопрос: «Что мы теряем, а что приобретаем, вводя в научный оборот “историю памяти” как новую исследовательскую парадигму?» В ответе на него он, во-первых, отметил отказ от всемирной истории как идеи единого однонаправленного процесса исторического развития («*Одной истории одного мира больше*

⁸ Франция-память / Нора П. [и др.]. СПб., 1999. С. 32, 78, 79.

⁹ См., напр.: Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности. М., 2020. Введение. С. 5–10; Подробнее см.: Репина Л. П. После «постмодерна»: историческая наука в поисках новой рациональности и объективности // Может ли история быть объективной? Материалы междунар. науч. конф. М., 2012. С. 139–160.

¹⁰ Эксле О. Г. «История памяти» — новая парадигма исторической науки // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы. М., 2011. С. 75–90.

¹¹ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

¹² Проблематике исторической памяти в пространстве «новой событийной истории» был посвящен специальный научный проект лаборатории «Исследования истории памяти и интеллектуальной культуры» Института всеобщей истории РАН; его результаты опубликованы в книге: Событие в истории, памяти и нарративах идентичности. М., 2017. См. также: Репина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое Прошлое / The New Past. 2016. № 1. С. 82–99.

не существует»), который, однако, «с лихвой компенсируется тем, что история памяти дает нам второй уровень рефлексии, который кажется гораздо сложнее в обращении, но его очевидный потенциал нельзя не признавать».

В этом лаконичном высказывании, как нам представляется, имплицитно заложена ключевая идея *историчности* исторического сознания и самосознания. Эклес развивает свою мысль на конкретных примерах, в частности на примере того, как эпоха модерности *создает для себя* образы Средневековья: по мере накопления нового опыта модерности «то, что мы называем “Средневековьем”, постоянно модифицируется, и наоборот, то, что мы знаем о Средневековье, постоянно управляет нашим опытом “Современности”». Идея историчности исторического сознания, методологически разработанная в 1980-х гг. М. А. Баргом и в 1990–2000-х гг. — Й. Рюзенем, отличается высокой продуктивностью как в области социокультурной истории, так и в сфере истории исторической мысли, что в полной мере также реализуется в новых подходах к проблемам теории и истории историописания.

И последнее — по порядку, а не по значению: в сферу рефлексии истории памяти вовлекаются искусство, архитектура, кино, музыка, «поскольку они *облекают память в образы, визуализируют ее и делают доступной эмоциональному опыту*». Эмоционально-чувственная сторона «мемориальных исследований» — достойное приобретение современной историографии, которая существенно обогатилась, включив в свою исследовательскую орбиту новые сегменты «субъективной реальности», ее психологической составляющей. Это движение может быть реализовано и в понимании исторической динамики чувственно-эстетического восприятия культурного наследия во всех его предметных формах.

Конечно же, речь не идет о том, чтобы парадигма «истории памяти» заменила собой все другие формы исторического познания: «...она комплементарна по отношению к ним и должна дополнять их». Итак, исследование памяти как особой формы трансляции и актуализации культурных смыслов привело к созданию оригинальной концепции «истории памяти», анализирующей «значение, которое настоящее придает событиям прошлого»,¹³

и принципиально отличной как от классической позитивистской «истории фактов», так и от анналистской «истории проблемы».

Одновременно с разворачиванием мемориальной парадигмы в общем контексте обновления современного гуманитарного знания на рубеже XX и XXI вв. базовая категория исторической науки *событие* обрела особый эпистемологический статус. Представление о том, какое событие является историческим, существенно изменилось, в том числе и потому, что историки обратили внимание на вопросы о взаимоотношениях социальной памяти и историописания и о месте коллективной памяти в субъективности историка. Маркировка события как исторического во многом определяется принадлежностью автора к той или иной традиции или культуре памяти. Категория «событие» обрела новый статус в «мемориальных исследованиях» именно в форме *культурного конструкта* — «образа события» в сознании и памяти переживших его участников и современников (видевших, как данное событие разворачивалось в его собственном времени), а затем — непосредственных и отдаленных потомков (включая историков, способных охватить событие или цепь событий как целостность). Символические или памятные события, организующие как историческую память, так и нарратив историка, играют основополагающую роль в формировании идентичности при помощи прошлого, придавая ему особую эмоциональную ценность. События вытесняются из памяти, если они не получают коллективной оценки и не вписываются в структуру массового представления о себе. Коллективной оценке предшествует предъявление обществу определенной версии события инстанцией, обладающей достаточным авторитетом или силой. Борьба за политическое лидерство нередко проявляется как соперничество разных версий исторической памяти и разных символов ее величия и позора, как спор по поводу того, какими эпизодами истории нация должна гордиться, каких стыдиться. По меткому замечанию П. Рикёра, «одни и те же события для одних означают славу, для других — унижение. С одной стороны — восславление, с другой — проклятие. Именно таким образом в архивах коллективной памяти накапливаются реальные и символические обиды».¹⁴ В полиэтничных странах, не говоря уже об империях,

¹³ Арнаутова Ю. Е. От мемория к «истории памяти» // Диссей. Человек в истории. М., 2003. С. 189.

¹⁴ Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 120.

этноцентричная история и национально-государственная история, выступающие в логике традиционных «мастер-нарративов», могли вступать в диссонанс, акцентируя негативные различия, противостояние, напряженность и открытый конфликт. Дело не только в педализации триумфального прошлого или ситуаций национального унижения в публичной полемике, но и в *блокаде* пластов «неудобной» памяти, в использовании значимых умолчаний для конструирования приемлемой картины прошлого с радикально презентистской позиции актуального настоящего.

Если в исторической памяти события, конституирующие групповую идентичность, подвергаются процедурам деконтекстуализации, стереотипизации и символизации, то научная историография опирается в интерпретации событий на процедуру их многоуровневой контекстуализации в координатах времени и пространства. Тем не менее представления о прошлом, сложившиеся в эпоху модерна и выступающие как важный фактор национальной идентичности, продолжают подпитываться сочинениями профессиональных историков в жанре академической «национальной историографии». Сочетание познавательной-критической и национально-патриотической функций уже не первый век позволяет «научным» версиям прошлого вносить весомую лепту в укрепление национального самосознания. Современная историография, активно обращаясь к изучению исторической политики, сосредоточена на разработке различных аспектов «использования прошлого» и «войн памяти», однако проблемы сохранения, распространения и реконструкции в памяти разных поколений опыта переживания народами и отдельными группами крупных исторических событий и конфликтов в кросс-культурной и сравнительно-исторической перспективах изучены недостаточно.

Говоря о различных позициях по отношению к исторической памяти, А. Мегилл выделил, в частности, такой подход к зафиксированным воспоминаниям о прошлых событиях, при котором они превращаются в нечто самоценное и родственное объектам религиозного почитания: «память становится *коммеморацией*». «Если память — побочный продукт прошлого опыта, то коммеморация *возникает в настоящем* из желания сообщества, существующего в данный момент, подтверждать чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами

отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий».¹⁵ При этом Мегилл обращает внимание на характерную для современной культуры позицию исторической невосприимчивости, которую рассматривает в темпоральном плане — как «коллапс видимого горизонта истории в какой-то момент настоящего», а в когнитивном плане — как игнорирование всех форм *знания о прошлом*, в то время, когда «знания *из* прошлого вовсе не отрицаются, пока они считаются полезными для действий в настоящем. Но знание, взятое из прошлого, беззастенчиво сосуществует с полным невежеством по отношению к тем контекстам, в которых оно существовало прежде». Иная установка по отношению к истории, обнаруживаемая в современной культуре, определяется как исторический эстетизм, который «заключается в эстетическом отношении к объектам, дошедшим из прошлого, или это подается так, как *будто* они дошли к нам из прошлого. Эти объекты рассматриваются как некоторым образом *замена* прошлого. Основное отношение к этим объектам проявляется в наслаждении или восхищении. Исторический эстетизм... не проявляет интереса к более широким контекстам, в пределах которых расположены созерцаемые объекты, если эти контексты также не могут быть рассмотрены эстетически».¹⁶

Таким образом, в обеих позициях обнаруживается игнорирование конкретного исторического контекста: в первом случае прежде всего контекста времени, а во втором — пространства. Именно поэтому зачастую важнейший вопрос о динамике исторической памяти — при почти единодушном согласии относительно пластичности и изменчивости последней — повисает в тумане абстрактно-терминологических построений, которые не дают реальной возможности выявить конкретные механизмы этой динамики. Между тем он может быть поставлен более предметно в эвристическом пространстве, охваченном понятием коммеморативных практик, то есть всего разнообразия способов закрепления, сохранения и поколенческой трансляции памяти о прошлом. Множество различных форм коллективных коммемораций, формирующих общие представления о тех или иных

¹⁵ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 116. Мегилл подчеркивает императивную по отношению к сообществу функцию коммемораций (Там же. С. 117).

¹⁶ Там же. С. 119–122.

событиях и стимулирующих участников к повторному символическому переживанию, не только оживляет и подтверждает старые воспоминания о прошлом, но также способствует их изменению и в конечном счете наполнению прошлых событий новым (иногда противоположным) смыслом, особенно при насущной необходимости соответствовать меняющимся потребностям и задачам социума. Диалектическая природа этого процесса была лаконично обозначена Я. Зерубавель еще в начале 2000-х гг.: «На уровне отдельного сообщества каждый акт “коммеморации” позволяет ввести в оборот новые трактовки прошлого, хотя повторение “коммеморативных ритуалов” способствует поддержанию в обществе ощущения непрерывности коллективной памяти». И если каждый акт коммеморации воссоздаст лишь один фрагмент прошлого, то взятые вместе, они слагаются в основную «сюжетную линию» коммеморативного мастер-нарратива, которая определяется всей культурой данного социума. Этот доминирующий нарратив «пытается искоренить альтернативные трактовки», однако при наличии противоречий и конфликтов подрывной потенциал «контр-памяти» «в конечном счете приводит к изменениям в коллективной памяти и придает динамизм, не позволяющий ей превратиться в набор “реликтов прошлого”».¹⁷

Прошлое реконструируется (или конструируется) из настоящего. Память группы существует и проявляется через память индивидов, индивидуальный опыт вписывается в коллективную память. М. Хальбвакс образно выразился: «Каждый индивид мысленно тянет за собой всю череду своих воспоминаний». Но прошлое не возникает вновь в памяти неизменным, ее коллективные рамки «не являются просто пустыми формами», а «служат орудием, которым пользуется коллективная память для воссоздания таких образов прошлого, какие в данный период согласны с господствующими идеями данного общества».¹⁸ В этом плане звучит как приговор чеканная фраза отечественного философа М. А. Розова (сказанная, правда, по другому поводу): «Мы смотрим в прошлое из настоящего, и это означает изменение контекста его существования».¹⁹

Именно благодаря изменяющимся контекстам восприятия в прошлых событиях, идеях, действиях раскрывается новое содержание, прошлое в контексте настоящего обретает свою новую ценность. О подобном же семиотическом эффекте смены контекста писал Ю. М. Лотман в «Памяти культуры»: «Память не склад информации, а механизм ее регенерирования. В частности, хранящиеся в культуре символы, с одной стороны, несут в себе информацию о контекстах... с другой, для того, чтобы информация “проснулась”, символ должен быть помещен в какой-либо современный контекст, что неизбежно трансформирует его значение». Каждый из контекстов, в который включается текст или памятник, «заброшенный» из прошлого состояния культуры в будущее, «актуализирует некоторую степень его глубины».²⁰

Особое значение придается пространственно-территориальному контексту в анализе исторически маркированных ландшафтов, символической топологии материализованных «мест памяти», так называемой локальной (или региональной) памяти и городской мемориальной культуры. Предмет монографического исследования А. В. Святославского «История России в зеркале памяти», в котором история отечественной мемориальной культуры («культуры намеренного увековечивания») представлена на самом долговечном материале «недвижимых объектов рукотворной среды обитания» (включая архитектурные и архитектурно-скульптурные монументы, мемориальные знаки и памятные доски, храмы и часовни и т. д.), направлен на изучение социокультурных практик и институализированных форм коммеморации в режиме максимальной контекстуализации во времени и пространстве, с многосторонним анализом каждой из последовательных эпох формирования образов российской истории. «Мемориальность, воплощением которой в культуре является памятник, — подчеркивает автор, — всегда несет на себе отпечаток основных особенностей социокультурной ситуации в данную эпоху, позволяет еще глубже проникнуть в ее существо благодаря тому, что уникальность памятника как феномена действительности заключается в его непосредственной связи с наиболее устойчивой категорией социального бытия человечества — памятью».²¹

¹⁷ Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 77, 87–89.

¹⁸ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 29, 30.

¹⁹ Розов М. А. Прошлое как ценность // *Путь. Международный философский журнал*. 1992. № 1 (2). С. 150.

²⁰ Лотман Ю. М. Память культуры // *Чему учатся люди. Статьи и заметки*. М., 2010. С. 262, 263.

²¹ Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М., 2013. С. 95.

Таким образом, в ходе исследовательской процедуры осуществляется историзация культурного наследия, что не исключает, а напротив, раскрывает ценностно-смысловую инвариантность и многоплановость мемориального содержания памятника, зафиксированную в его собственной «биографии», то есть в следах всех перипетий его исторического бытия: «Чем дольше памятник существует во времени, тем больше у него возможностей “обрасти” дополнительными пластами мемориальной информации».²² И задача историка культуры состоит не только в том, чтобы «снять наслоения прошлых изменений, очистив первозданный образ»,²³ а в том, чтобы, «снимая» каждый пласт, как археологи — культурные слои, воссоздать те исторически меняющиеся образы данного памятника культурного наследия, которые формировались в представлениях разных поколений «наследников», приближавших к себе прошлое и привносивших в него «свои цели и намерения».²⁴

С. А. Еремеева показала, как, поставив одной из своих основных целей формирование нового человека, советская власть попыталась — прежде всего посредством «плана монументальной пропаганды» — создать на основе коллективной памяти, использующей визуальные ориентиры и материализованной в общественных монументах, новый вид идентичности, принципиально отличающийся от национального самосознания, формировавшегося в предыдущем веке. Она выносится вовне, в публичное пространство, материализуясь, например, в общественных монументах. «Пространство памяти и физическое пространство пересекаются между собой: память визуализируется, а пространство, прежде аморфное и безымянное, семантизируется». Уже в XX в. историческая память все больше превращается в объект управления и идеологического контроля со стороны властных структур, осуществляемого не только при помощи средств массовой информации и системы образования, но также так называемых институтов памяти и культурного наследия.²⁵

В российском социально-гуманитарном пространстве мемориально-исторические исследования приобрели большую популярность.²⁶ Появилось немало интересных конкретных исследований, нацеленных главным образом на описание дифференцированных символических образов прошлого, или комплексов обыденных представлений о прошлом. Однако, как нам представляется, в «историографии памяти» пока не удалось предметно раскрыть диалектику формирования и деконструкции образов прошлого в индивидуальной и культурной памяти, а также в полной мере реализовать эвристический потенциал установки на анализ арсенала символов исторической памяти как особой формы *познания прошлого*: речь идет, в частности, о двух уровнях «истории памяти»: с одной стороны, как познания исторических событий и явлений, а с другой — как рефлексии относительно условий этого познания.²⁷

Образы прошлого, складывающиеся в общественном сознании, варьируются в зависимости от исторического времени, смены поколений, появления новых потребностей, практик и смыслов.²⁸ Для исторического сознания концепты времени и пространства являются базовыми на всех его уровнях и этапах развития, а воспроизведение пространственно-временных представлений — необходимым условием определения специфики культуры той или иной эпохи. Ощущение специфики *времени* как исторической категории М. Блок передал яркой метафорой: «...время истории — это плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они могут быть поняты»; «...исторический феномен никогда не может быть объяснен *вне его времени*».²⁹ Подчеркнем: речь здесь идет именно о явлении

²⁶ Подробно об этом см.: Леонтьева О. Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 59–96; Леонтьева О. Б., Репина Л. П. «Мемориальный поворот» и «история памяти» в России // Историки в поисках новых перспектив. М., 2019. С. 274–317.

²⁷ Эта «ипостась» культурной памяти была в свое время особо отмечена О. Г. Эксле в его анализе концепции Я. Ассмана: культурная память — не только предмет познания: «...и в науке, и за ее пределами — “в жизни” — она одновременно еще и форма познания». См.: Эксле О. Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. Человек в истории. М., 2001. Т. 2001. С. 180.

²⁸ См.: Репина Л. П. Темпоральные характеристики исторического сознания (о динамическом компоненте «истории памяти») // Диалог со временем. 2014. Вып. 49. С. 28–43.

²⁹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 19, 20, 23.

²² Там же. С. 190.

²³ Там же. С. 66.

²⁴ Там же. С. 56.

²⁵ См.: Еремеева С. А. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад. М., 2010. С. 885–927.

в контексте *его собственного* времени, а еще точнее — о его *хронотопе*, в котором, по М. М. Бахтину, концептуализируется неразрывная связь пространственных и временных отношений.

Проблема связанности возникает в самых разных контекстах. Связанными оказываются не только исходные явления (то есть *ситуации реальной* связанности социальных действий в прошлом), но и их зачастую взаимно противоречащие образы в актуальном настоящем. Это инклюзивная модель: в ее рамках исследователь не может выделить в диалоге единственную правую сторону, создать единственно верную картину прошлого. Если классическая историография ставила перед собой задачу «достичь “объективного” образа прошлых событий», то диалоговая парадигма «перекрестной истории» соединяет проблемы интерпретации культурных взаимодействий в истории и в сознании историка.³⁰ Условием диалога с прошлым становится внутренний диалог историка и диалог в сообществе историков, благодаря чему создается новый образ прошлого, когерентность которого обеспечивается не целостностью или системностью, а связанностью или сцепленностью в рамках полифонии соотносимых познавательных перспектив, конкурирующих в историческом знании в пределах профессиональных норм.

Таким образом, в центре внимания оказываются не противостояние и конфликт, а пространство диалога исторических памятей его равноправных и самоценных участников. На место изучения структур ставится исследование взаимодействий между акторами и их результатов, а следовательно — событий и их образов, запечатленных в коллективной и культурной памяти. В данной парадигме интерпретация события опирается на соотношение его внутреннего содержания (текста) с широко понимаемым историческим контекстом, а точнее контекстами — как синхронными (на разных уровнях), так и развернутыми во времени. Контекст накладывает на участников взаимодействия, стремящихся интерпретировать события с позиций актуального настоящего и желаемого будущего, структурные ограничения, причем, помимо прочих, мощным ограничителем выступает сформированная в массовом сознании память о кри-

тических событиях прошлого, в том числе о великих исторических событиях, которые в исторической науке служат вехами-маркерами периодизации национальной и мировой истории.³¹ Коммуникативный подход смещает на периферию идентификационный «заряд» коллективной памяти и, снижая ее конфликтность, создает предпосылки для продуктивного диалога.

Сегодня, когда история все чаще рассматривается как особая форма памяти, «пласты времени» видятся неотъемлемыми элементами сложной коннективной структуры, в двух измерениях — социальном и темпоральном,³² а историческая событийность рассматривается не только, и даже не столько, в коротком (ситуационном) времени, но и в сложной, нелинейной связи с другими событиями в границах фиксированных интервалов длительного времени.³³ В рамках конкретного исторического исследования проводится сопоставление и содержательная интерпретация данных в ограниченных пространственно-временных диапазонах (хронотопах), в которых само событие (в своей собственной процессуальности) и его продолжительный смысловой след (память) включаются в сложную диалектику с преемственностью структур и длительным временем культуры, которая выступает как трансляция из поколения в поколение духовного и интеллектуального опыта человечества в рамках определенного пространственно-временного диапазона.

Каждая культурная парадигма демонстрирует особое отношение к осмыслению предыдущего опыта. Верификация информации, анализ положения дел и ретрансляция знания, осуществляемые в рамках исследовательских программ, требуют представления знания в формах, соответствующих современному уровню познания, который непосредственно зависит от информационных технологий и новых форм коммуникации. Стремительное развитие интернета, доступность информации, возможность узнавать, сопоставлять, анализировать и публиковать информацию размывают

³⁰ Вернер М., Циммерман Б. После компаратива: *histoire croisee* и вызов рефлексивности // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 62.

³¹ См.: Assmann J. *Globalization, Universalization, and the Erosion of Cultural Memory // Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories*. New York, 2010. P. 121–137. См. также: Репина Л. П. Память и знание о событиях прошлого в историческом сознании и нарративах идентичности // *Событие в истории, памяти и нарративах идентичности*. М., 2017. С. 9–17.

³² См.: Ассман Ян. Указ. соч. С. 15.

³³ См.: Хвостова К. В. Короткое историческое время // *Диалог со временем*. 2019. Вып. 67. С. 5–16.

границы исторической профессии. С другой стороны, использование в исследовательских и образовательных целях комплексной технологии представления исторического знания создает новые возможности для профессионалов (можно привести в качестве примера виртуальные реконструкции — компьютерное экранное воссоздание утраченных памятников). И в этом участвуют профессиональные историки, опираясь на новые междисциплинарные исследования, например в области когнитивистики, теории коммуникации и информации, которые позволяют моделировать историческую реальность с привлечением новых инструментальных средств. При этом важно, чтобы результаты проекта оказались конвертируемыми в дискурс научно-популярного плана, чтобы интересы исследований были

связаны с рецепцией идей, хранением информации (коллекции, архивы) и коллективной памятью или проблемой репрезентации. Историки должны заниматься тем, что востребовано обществом, что может помочь ему ответить на вызовы современности, решая при этом сложнейшую задачу — сделать прошлое ближе для современного человека, не лишая его при этом инаковости и сложности. Нельзя упускать ни морально-этическую составляющую, которая присутствует во всех формах историописания и, более того, выполняет в нем регулятивную функцию, ни расхождения в ценностных ориентирах, которые определяют не только отношение культуры настоящего к культуре прошлого, но и противоречивый характер коммуникаций между исторической наукой и исторической памятью.

Lorina P. Repina

Member of the RAS, Professor, Institute of World History of the RAS (Russia, Moscow)
E-mail: lorinarepina@yandex.ru

MEMORY AND HERITAGE IN A CRUSADE AGAINST HISTORY,
OR THE BIRTH OF A “MEMORIAL PARADIGM”

The turn of the 20th–21st centuries was marked by the emergence in modern historiography of the “memorial paradigm”, which explores the images of the past as interpretive models that allow individuals and social groups to orient themselves in their present life situations. As a result, the focus of attention of the professional community representatives turned out to be on issues related to the relationship between history, memory and identity, with the use of cultural heritage, with the tools of “historical policy” and the transformation of historical consciousness and historical culture of post-industrial society. In the Russian social and humanitarian space, interdisciplinary memorial and historical research focused on describing and analyzing socially and culturally differentiated symbolic “images of the past”, mechanisms for the formation of individual and collective identities or effective tools of historical politics, have gained great popularity in the recent decade. The article presents and analyzes various positions of leading theorists regarding the situation that has developed as a result of the “memorial boom” in the space of the current humanities. Stating the advantages and achievements of “memory studies”, the author notes a number of missed opportunities, in particular the need for an expanded socio-historical contextualization of specific studies and a clearer definition of one’s own cognitive attitudes in relations with public history and commemorative practices. The conceptual problems of “memory studies” that have arisen in connection with the inclusion in their subject fields of the practice of intercultural communication in their historical dimension are considered. The article shows that the significant heuristic potential of the “memory paradigm” can be realized using theoretical models of *histoire croisée* and connected history.

Keywords: *memorial turn, collective memory, cultural memory, images of the past, cultural heritage, identities, historical culture, historical consciousness, cross-cultural dialogue, histoire croisée*

REFERENCES

Arnautova Yu. E. [From memoria to the “memory history”]. *Odissey. Chelovek v istorii* [Odyssey. Man in history]. Moscow: Nauka Publ., 2003, pp. 170–198. (in Russ.).

- Assman J. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. (in Russ.).
- Assmann J. Globalization, Universalization, and the Erosion of Cultural Memory. *Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories*. New York: Palgrave Macmillan, 2010, pp. 121–137. (in English).
- Bloch M. *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [The Historian's Craft]. Moscow: Nauka Publ., 1973. (in Russ.).
- Eremeeva S. A. [Monumental practices of commemoration in Russia in the 19th and early 20th centuries]. *Obrazy vremeni i istoricheskkiye predstavleniya: Rossiya — Vostok — Zapad* [Images of time and historical representations: Russia — the East — the West]. Moscow: "Krug" Publ., 2010, pp. 885–927. (in Russ.).
- Halbwachs M. *Sotsial'nyye ramki pamyati* [Social frameworks of memory]. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ., 2007. (in Russ.).
- Khvostova K. V. [Short historical time]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2019, iss. 67, pp. 5–16. (in Russ.).
- Leontieva O. B. ["Memorial Turn" in the contemporary Russian historical studies]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2015, iss. 50, pp. 59–96. (in Russ.).
- Leontieva O. B., Repina L. P. ["Memorial turn" and "history of memory" in Russia]. *Istoriki v poiskakh novykh perspektiv* [Historians in search of new perspectives]. Moscow: "Akvilon" Publ., 2019, pp. 274–317. (in Russ.).
- Lotman Yu. M. [Memory of culture]. *Chemu uchatsya lyudi. Stat'i i zametki* [What people learn. Articles and notes]. Moscow: Tsentr knigi VGBIL im. M. I. Rudomino Publ., 2010, pp. 256–269. (in Russ.).
- Lowenthal D. *Proshloye — chuzhaya strana* [The past is a foreign country]. Saint Petersburg: "Vladimir Dal" Publ., 2004. (in Russ.).
- Lowenthal D. *The Heritage Crusade and the Spoils of History*. Cambridge: CUP, 1998. (in English).
- Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Moscow: Kanon+ Publ., 2007. (in Russ.).
- Nora P. [World celebration of memory]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency reserve], 2005, no. 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (accessed: 15.01.2021). (in Russ.).
- Nora P., Ozuf M., Puimezh J., Vinok M., Khapaeva D. *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. Saint Petersburg: SPGU Publ., 1999. (in Russ.).
- Oexle O. G. ["History of Memory" — a new paradigm of historical science]. *Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy* [Historical science today: theories, methods, perspectives]. Moscow: URSS Publ., 2011, pp. 75–90. (in Russ.).
- Oexle O. G. [Cultural memory under the influence of historicism]. *Odissey. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in history]. Moscow: Nauka Publ., 2001, vol. 2001, pp. 176–198. (in Russ.).
- Proshloye dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noy identichnosti* [The Past for the Present: History-Memory and Narratives of National Identity]. Moscow: Akvilon Publ., 2020. (in Russ.).
- Repina L. P. [After "postmodernity": historical science in search of a new rationality and objectivity]. *Mozhet li istoriya byt' ob'yektivnoy? Materialy mezhdunarod. nauch. konf.* [Can history be objective? Materials of the International Sci. Conf.]. Moscow: MGU Publ., 2012, pp. 139–160. (in Russ.).
- Repina L. P. [Effects of "incomprehensible acceleration", or phenomenon of presentism in the history of historical consciousness]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2018, iss. 65, pp. 48–58. (in Russ.).
- Repina L. P. [Events and images of the past in historical and cultural memory]. *Novoye Proshloye* [The New Past], 2016, no. 1, pp. 82–99. (in Russ.).
- Repina L. P. [Memory and knowledge about the past events in historical consciousness and identity narratives]. *Sobytiye v istorii, pamyati i narrativakh identichnosti* [The Event in History, Memory and Narratives of Identity]. Moscow: Akvilon Publ., 2017, pp. 9–17. (in Russ.).
- Repina L. P. [Science and society: public history in the context of the historical culture of the globalization era]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki* [Proceedings of Kazan university. Series: Humanities], 2015, vol. 157, book 3, pp. 55–67. (in Russ.).
- Repina L. P. [Temporal characteristics of historical consciousness (on the dynamic component of the "History of Memory"). *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2014, iss. 49, pp. 28–43. (in Russ.).

Ricoeur P. *Pamyat', istoriya, zabveniyе* [Memory, History, Forgetting]. Moscow: Izd-vo gumanitarnoy literatury Publ., 2004. (in Russ.).

Rozov M. A. [The Past as a value]. *Put'. Mezhdunarodnyy filosofskiy zhurnal* [Path. International Philosophical Journal], 1992, no. 1 (2), pp. 137–151. (in Russ.).

Rüsen J. Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken. *Historische Faszination. Geschichtskultur heute*. Köln: Böhlau Verlag, 1994, ss. 3–26. (in German).

Sobytiye v istorii, pamyati i narrativakh identichnosti [The Event in History, Memory and Narratives of Identity]. Moscow: Akvilon Publ., 2017. (in Russ.).

Svyatoslavsky A. V. *Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov* [Russia's History in the Mirror of Memory. Mechanisms for the formation of historical images]. Moscow: Drevlehranilishche Publ., 2013. (in Russ.).

Tishkov V. A. [Historical culture and identity]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2011, no. 2 (31), pp. 4–16. (in Russ.).

Werner M., Zimmermann B. [Beyond Comparison: *histoire croisée* and the Challenge of Reflexivity]. *Ab Imperio* [Ab Imperio], 2007, no. 2, pp. 59–90. (in Russ.).

Zerubavel Y. [The Dynamics of Collective Remembering]. *Ab Imperio* [Ab Imperio], 2004, no. 3, pp. 71–90. (in Russ.).